

ДИВНЫЕ НОВЫЕ МИРЫ

НИКИТА АВЕРИН

ДИВНЫЕ НОВЫЕ МИРЫ

ПОЙМАТЬ
ПЕРЕСМЕШНИКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А19

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Дивные новые миры» основана в 2016 году

Художественное оформление — *Виктория Лебедева*

Внутреннее оформление — *Олег Лёвкин*

Аверин, Никита Владимирович.

А19 Поймать пересмешника / Никита Аверин. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Дивные новые миры).

ISBN 978-5-17-099484-7

«К12», город-тюрьма. Небо над ним укрыто за вечной пеленой из облаков, границы очерчены высокой Стеной, а горожане прячут лица под масками. Здесь нет полиции, на улицах хозяйничают бандитские группировки. Этот город живет по своим собственным законам.

Именно сюда был сослан Максим Серов, компьютерный гений-подросток по прозвищу Пересмешник, признанный опасным для общества. Но отправившие Максима на верную смерть коррумпированные чиновники и не подозревали о том, что юноша сам стремился попасть в «К12», чтобы принять участие в Крысиных Бегах и заполучить самый ценный приз — право покинуть город-тюрьму. И что приз нужен ему не только для себя одного.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099484-7

© Н.В. Аверин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Эта книга посвящается памяти
Александра Зеброва*

Часть первая

«К12»

Тюрьма выгодно отличается от могилы тем, что ее двери когда-нибудь откроются.

Аль Капоне

Глава первая

Как захлопнулись ворота, все кончилось — права человеческие, гражданские права, мои права как личности — все к черту. Начался совершенно другой мир, другие взаимоотношения. Я понял, что я щепка, которой как хотят, так и крутят.

Георгий Жженов

Я никогда не думал, что все произойдет так просто. Плачущие родители, прячущие глаза одноклассники, беспристрастные присяжные.

Вердикт: ВИНОВЕН.

— Максим Серов, вы приговариваетесь к пожизненному отбыванию срока вашего приговора в тюрьме «К12». Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Голографическое изображение судьи мигает и исчезает. Вслед за ним мигают и гаснут проекции двенадцати присяжных, каждый из которых сидит перед голопроектором в разных уголках планеты Земля под присмотром эмиссара полиции.

— Сынок! — последнее, что успела произнести мама, прежде чем погасли изображения её и отца.

Исчезли одноклассники, наблюдавшие за вынесением приговора в актовом зале нашей школы.

— Мне очень жаль. Удачи вам, Максим. — В глазах адвоката Кравцова я отчетливо разглядел, что на самом деле ему ни капли меня не жаль. Единственное, о чем сейчас сожалел государственный защитник, так это о том, что из-за затянувшегося вынесения приговора он пропускает полуфинал международного чемпионата по чиствиксу. Но я смог подавить внутреннее раздражение и ответил ему с улыбкой:

— Благодарю вас, Семен Афанасьевич.

Проекция Кравцова погасла, и я наконец-то остался один в своей камере. Но одиночество мое длилось недолго. В коридоре раздался грохот тяжелых ботинок, дверь в камеру с мягким шелестом скользнула в сторону, и на мгновение я ослеп от яркого электрического света, хлынувшего в открытый дверной проем.

— Заключенный, на выход! Быстро, быстро, быстро!

Не дав мне опомниться, двое здоровяков в бронежилетах сковали мои руки тонкими пластиковыми наручниками и чуть ли не пинками вытолкали меня из темной камеры в коридор.

Вот так за несколько мгновений я утратил статус гражданина Республики и перешел в раздел «мусор». А мусор на то и мусор, что с ним никто не церемонится, его просто выбрасывают. Даже если этот мусор умеет мыслить, разговаривать и способен испытывать боль.

Но такие мелочи моих конвоиров не интересовали. Вряд ли они вообще хоть иногда задумывались над этической стороной своей работы по контролю за исполнением воли народа Великой Республики. И я не обижался на этих крепких парней в серой униформе, всего несколько месяцев назад я был почти таким же, как они — машиной, бездумно выполнявшей приказы и поручения. Да здравствует Великая Республика! А теперь мы оказались по разные стороны баррикад.

— Шевелись!

Один из конвоиров вновь отвесил мне увесистый подзатыльник, хотя мы и так практически бежали по коридорам Комитета Исполнения Наказаний. Два здоровых эмиссара полиции и я, Максим Серов, восемнадцатилетний юноша, подававший большие надежды, но внезапно преступивший черту закона и отправляющийся отбывать свою вину в «К12». Считалось, что если осужденного отправляют в «К12», то это сродни смертному приговору. Только хуже, гораздо хуже. Многие преступники, услышав подобный приговор, бились в истерике и пытались покончить жизнь самоубийством прямо в камере предварительного заключения. В представлении жителей Великой Республики «К12» была настоящим Адом в библейском понимании этого слова. Такая перспектива привела бы в ужас любого жителя нашей планеты, но только не меня.

Потому что я хотел попасть в этот Ад.

Когда я в сопровождении конвоиров поднялся на лифте в холл первого этажа, перед лицом замельте-

шила небольшой шарик, оснащенный глазом видеоискателя. Телевизионщики? Наверняка Первый республиканский канал, они мертвой хваткой вцепились в историю моего задержания и крутили репортажи с моим участием чуть ли не круглые сутки. Ещё бы! Я — событие года. И сейчас я должен понести заслуженную кару, а каждый житель Великой Республики должен узнать об этом и запомнить: если решишь пойти против системы, то система тебя уничтожит. Быстро, жестоко и без всяких сантиментов.

Действительно, на голографическом проекторе за спиной охранников у входа я увидел свою уменьшенную копию, сопровождаемую уменьшенными, но все равно внушительными на моем фоне, копиями эмиссаров в серой униформе. Негромкий голос диктора Первого канала с нескрываемой радостью вещал из динамиков:

— Сограждане! Мы видим, что полицейские уже готовят к пересылке Максима Серова. Напоминаем, что этот несовершеннолетний гражданин Великой Республики в одиночку совершил преступление, которого стоило ожидать разве что от банды закоренелых рецидивистов. Благодаря нашим Вождям само понятие «рецидивист» в нашей Республике уже не актуально...

Диктор продолжал заливаться хвалебными отзывами о достижениях современной пенитенциарной системы и огромном вкладе вождей в её успехи, а конвоиры толчками в спину гнали меня дальше, сквозь автоматические двери, ведущие на выход из Комитета Исполнения Наказаний.

Если до этого момента мне казалось что электрический свет от ламп в коридорах и залах Комитета причиняет моим глазам, привыкшим за две недели ожидания вынесения приговора к полумраку камеры, боль и раздражение, то, выйдя на улицу, я изменил свое мнение. Солнечный свет буквально ослепил, голова закружилась, и меня чуть не вырвало прямо на камеру Первого республиканского, зависшую в воздухе перед моим лицом. А жаль, эта мысль показалась забавной.

Но я смог подавить неприятный позыв и практически вслепую, направляемый лишь окриками и тычками конвоиров, побежал к ожидавшему нас флайеру.

— Залезай! Голову береги!

Предупреждение прозвучало запоздало. Думаю, что конвоир сделал это умышленно, порадовавшись, когда я с размаху треснулся головой о верхний край входного шлюза. Так и есть, здоровяки злобно хохотнули. Как и миллионы зрителей, наблюдавших за происходящим на голопроекторах у себя дома.

Стиснув зубы, я забрался в спасительный сумрак летательного аппарата и едва ли не рухнул на жесткое пассажирское сиденье. Пока один конвоир вежливо, но настойчиво жестами выпроваживал из флайера сферу телекамеры Первого республиканского, второй освободил меня от наручников, правда, ненадолго. На смену путам на запястьях пришли широкие пластиковые ремни, похожие на ремни безопасности в обычных гражданских флайерах. Но в отличие от своих цивильных собратьев, эти спеле-

нали мое тело, не позволяя пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Володя, полетели, — окрикнул один конвоир другого и сел в кресло напротив меня.

Короткий автомат, прежде висевший дулом вниз за спиной, перекочевал в руки конвоира и ненавязчиво нацелился в мою сторону. Признаюсь честно, в этот момент мне впервые стало по-настоящему страшно. А что, если в их планы не входит моя доставка в «К12»? И вместо этого на Первом республиканском сообщат о том, что опасный малолетний преступник погиб при попытке к бегству?..

Так это или нет, я не узнал, поскольку в этот момент второй эмиссар смог наконец-то выпроводить телекамеру и сел в кресло рядом с напарником. Щелкнув тумблером рации на стене, Володя скомандовал пилоту:

— Клиент зафиксирован, люк задраен, можем выдвигаться.

— Принято, — раздался в ответ искаженный по-мехами голос пилота.

Флайер вздрогнул, запуская двигатели и убирая опорные колонки. Конвоиры поудобней устроились в креслах, а я, выгнув шею чуть ли не до хруста позвонков, смотрел на удаляющуюся бетонную взлетную площадку. Всё, теперь обратной дороги нет.

Наш полет длился недолго, около полчаса. Затем мы пристыковались к орбитальной станции, выполнявшей роль накопителя заключенных со всей планеты для дальнейшего распределения и транспортировки в места отбывания наказаний. Внутрен-

нее устройство станции сразу рассмотреть не получилось. После высадки мне на голову натянули плотный матерчатый мешок, не пропускавший ни капли света. Для чего это было нужно? Чтобы преступники не смогли запомнить расположение помещений и сосчитать количество охранников, дабы не использовать в будущем эту информацию во зло? Я так не думаю. Скорее всего, полицейские перестраховывались. Наверняка они прочли в моем личном деле о том, что у меня имеются награды за победы в соревнованиях по боевому айкидо и самбо.

Ответ на свой вопрос я узнал через несколько минут, когда меня усадили на жесткий металлический стул и сняли с головы мешок. Опять яркий свет, новый приступ тошноты. Прикрывая глаза руками, я попытался осмотреться.

Меня привели в небольшое помещение, напоминавшее камеру для допросов, в которой мне довелось провести в недавнем прошлом много часов, а то и дней. Комната три на три метра. Каждая из четырех стен, а также пол и потолок зеркальные, отчего создавалось ощущение, что находишься в бесконечном коридоре из одинаковых комнат. Для неопытного человека подобная оптическая иллюзия была сродни удару мешком по голове — мысли начинали путаться, голова кружилась, и ты постоянно отвлекался, ведь стоило пошевелить рукой или ногой, миллионы двойников повторяли твое движение.

В зеркальной комнате помимо меня находился ещё один человек, сидевший за столом напротив. Худощавый мужчина с залысинами на высоком лбу

и взглядом холодных серых глаз. Облачен во всю ту же униформу эмиссара полиции, с вышитыми на груди белыми перекрещенными секирами, но оружия нет, даже электрошокера, который охранники так любили использовать на мне без всякого повода.

— Вы меня слышите? — обратился ко мне сероглазый.

В ответ я кивнул, одновременно пытаюсь спрятать глаза от яркого света. Что было весьма проблематично, так как сияние исходило одновременно со всех сторон, хотя ни на потолке, ни на стенах я не заметил ни ламп, ни иных источников освещения.

— Отлично, — продолжил сероглазый. — С момента вашего прибытия на эту станцию вы автоматически теряете статус гражданина Великой Республики. Вы теряете свое имя, должность, права и обязанности. Кроме одной. — Тут сероглазый позволил себе улыбнуться. — Вы обязаны провести остаток своей жалкой и никчемной жизни в «К12».

Я ничего не ответил. За те три недели с момента задержания, что я провел в застенках Комитета Исполнения Наказаний, я наслушался немало гневных и оскорбительных высказываний в свой адрес. Все, от простых полицейских до прокурора, считали чуть ли не своим долгом окатить меня словесными помоями. А некоторые не гнушались присовокупить к этому ещё и увесистый пинок или оплеуху. Но я сдержался тогда, вытерплю и сейчас. Потому что стоило мне хоть раз ответить на провокацию, как меня могли

просто забить до смерти. А я не хочу доставлять им такого удовольствия, у меня иная цель.

Сероглазый перешел к делу. Из коробки, стоявшей на полу с его стороны стола, он достал тонкий планшет и, включив его, зачитал лишенным всяких эмоций тоном:

— Заключенный номер семь-один-один-один-девять-восемь-четыре, по решению народного суда Великой Республики вы направляетесь для отбытия наказания на объект закрытого типа «K12». Срок отбывания наказания — пожизненный. Без права на подачу апелляции или досрочного освобождения по амнистии. Приговор вступает в силу немедленно, — произнеся это, он пнул коробку в мою сторону. — Переодевайтесь.

Он встал, зажал планшет под мышкой и подошел к одной из стен комнаты. Тут же открылся проход, сероглазый ушел, оставив меня в одиночестве.

Несколько минут я тупо смотрел на свои бесконечные отражения. За время судебного разбирательства я изрядно осунулся, волосы торчали, словно у пугала, засаленными прядями в разные стороны. На лице синяки и ссадины, следы гостеприимства республиканской полиции. Лишь карие глаза продолжали светиться столь же ясно и яростно, как и в тот день, когда я обвалил финансовую биржу, обнулив тайные счета у большинства Вождей нашей Великой Республики.

Вновь открылся проход, и в комнату вошли двое с шевронами Комитета Исполнения Наказаний.